

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗГНАННИКА». ПЕРВАЯ КНИГА О ФИЛОСОФИИ Н. Н. СТРАХОВА

**Антонов Е. А. Антропоцентрическая философия Н. Н. Страхова
как мыслителя переходной эпохи.— Белгород, 2007.— 168 с.**

Термин «литературные изгнанники» был введен в употребление В. В. Розановым для названия несправедливо забытых философов, чье творчество было в свое время маловостребованным, хотя обладало значительным потенциалом, немалым нераскрытым ресурсом влияния на отечественную культуру. Первым среди таких русских философов Розанов назвал Страхова, оказавшего ему огромную помощь на начальном этапе творчества, когда он был никому не известным начинающим литератором. Монография о философии Н. Н. Страхова опубликована в Белгороде, уроженцем которого был русский философ и написана она профессором Белгородского университета — выпускником философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В октябре 2008 г. в Белгородском университете состоялась представительная международная конференция, посвященная Страхову, положившая начало проведению страховских чтений в этом городе. Знаменательно также и то, что в 2009 г. в Белгороде был основан литературно-философский музей, посвященный Страхову. Одним из инициаторов открытия музея выступил автор рецензируемой монографии.

Данная работа — первое собственно философское монографическое исследование, специально посвященное творчеству замечательного русского философа, публициста, литературного критика, одного из основателей почвенничества Николая Николаевича Страхова (1828–1896), чье имя и наследие до сих пор известно лишь в узких кругах специалистов по истории русской мысли. Правда, на английском языке имеется небольшая биографическая работа о Страхове, написанная Линдой Герштейн (Gerstein L., 1971), но она лишь косвенно касается собственно историко-философской проблематики. Объективной оценке философского наследия Страхова мешало его «вечное пребывание» в «тени великих» (Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского, Л. Н. Толстого), — редко встречающееся в истории философской мысли сознательное и, без преувеличения, жертвенное забвение собственной литературно-философской репутации в пользу содействия всевозможному распространению идей других мыслителей. Страхов, как известно, сыграл главную, решающую роль в ознакомлении русского общества с «Россией и Европой» Данилевского. Между тем, сам Страхов оставил большое наследие, был профессионально подготовленным

философом, крупным знатоком истории философской и естественнонаучной мысли, автором трактата «Мир как целое. Черты из науки о природе», ставшего доступным в современном издании совсем недавно (СПб., 2007). Отвечая на вопрос, в чем состоит собственный вклад Страхова в отечественную культуру, автор указывает на его «богатое наследие в философии, философии естествознания, литературной критике, публицистике, истории, переводческой деятельности» (с. 32). При этом подчеркивается, что при всей разносторонности Страхов был мыслителем философского склада, философом по преимуществу, привнесшим «философский подход во все области знания, в которых ему приходилось работать».

В монографии Страхов показан как оригинальный мыслитель переходной эпохи, как своего рода промежуточное звено между «поздними» славянофилами и русским религиозно — философским ренессансом начала XX в. Преодолевая стереотипы о «несамостоятельности» философского творчества Страхова и о его неизменном, как бы «застывшем» характере, автор монографии делает акцент на выяснении его индивидуальных особенностей, что предполагает опору на «биографический метод», совершенно необходимый в данном случае. «Жизненный портрет» Страхова нарисован в книге в четырех основных ракурсах. Это главные моменты его интеллектуальной биографии, представляющие разные грани философской личности Страхова: 1) естествовик, «который из естествознания ушел и не сумел дойти до философии»; 2) литературный критик, критик нигилизма и нигилистов; 3) переводчик и издатель философской и научной литературы; 4) философ, разработчик ряда крупных философских проблем, в особенности проблемы человека (с. 32). Таким образом, для исследователя страховского наследия прежде всего необходимо уяснить, какая его грань имеется в виду и какой период творчества подразумевается, поскольку данного мыслителя отличала широта умственного кругозора, охватывающего многие области знания. Именно эта широта давала Страхову право на идейное общение с его великими современниками: Ап. А. Григорьевым, Ф. М. Достоевским, Н. Я. Данилевским, Л. Н. Толстым, В. В. Розановым, В. С. Соловьевым и др. Правда, Страхов вовсе не был так простодушен, как это может показаться. При всей его готовности к бескорыстному служению философским идеалам, он был обидчив, имел свои пристрастия и предубеждения, что, несомненно, осложняет понимание его личности. К их числу относится, например, неприязнь к идейному соратнику — Достоевскому, особенно проявившаяся после смерти писателя. Почти монашеская скромность и непритязательность этого старого книжника-холостяка сочеталась с неискоренимой склонностью к учительству.

В монографии достоверно отражена мировоззренческая эволюция Страхова-метафизика, что особенно актуально в связи с непроясненностью данного вопроса в научной литературе. Автор раскрывает своеобразие идеалистической философии Страхова, выразившееся в сочетании религиозности с разнообразными натурфилософскими и естественнонаучными рассуждениями, примерами и доказательствами реальности вещественного мира, что, например, позволило Соловьеву обвинить Страхова в материализме. Разумеется, Страхов не был материалистом, обвинение Соловьева было просто полемическим выпадом, но вместе с тем он не был и сторонником теоцентризма, как полагает современный исследователь Н. П. Ильин (с. 72). Автор книги считает, что структура философского мировоззрения Страхова является более сложной. В связи с этим выделяется по крайней мере три основных этапа его эволюции, связанные с выходом центральных сочинений философа: «Мир как целое. Черты из науки о природе» (1872), «Борьба с Западом в нашей литературе»

(1870–1880-е гг.) и с серией статей, отразивших полемику с В. С. Соловьевым по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1880–1890-е гг.).

Диалектический характер философских воззрений Страхова, сформировавшихся во многом под влиянием немецкой философской классики, оказал особое влияние на его философскую антропологию, где основополагающей явилась идея об органичности и иерархичности мира, а человек рассматривался как «центральный узел мироздания». В монографии раскрыт эволюционизм как особый метод философии Страхова, легший в основу всех его философских построений: антропоцентрической космологии, онтологии, гносеологии, философии истории, философии естествознания, философии культуры. Автор монографии считает, что аналитический склад ума позволил Страхову поставить ряд новых проблем, перспективных для развития русской философской антропологии второй половины XIX — начала XX в. Вместе с тем автор высказывает мысль о том, что Страхов предвосхитил некоторые идеи создателей философской антропологии XX в. — М. Шелера, Г. Плеснера и А. Гелена. Своеобразной для философской антропологии Страхова стала интерпретация *понимания* как особого вида духовного творчества человека, что было подробно обосновано русским мыслителем на материале художественной литературы. Суть страховского антропологического подхода проявляется в рассмотрении человека с интеллектуально-созерцательной позиции, предполагающей представление о человеке как зрителе, созерцателе, а не деятеле. Для «созерцательной философии» Страхова характерно не столько рациональное постижение, сколько «вчувствование» в философские и художественные произведения, соответствующее эстетизму высшего порядка. Оригинальна также идея «центрирования человека», своего рода аксиологическая установка Страхова, согласно которой для русской философии «объектом центрирования» должна являться целостная человеческая личность, подобно любви (у Фейербаха), воле (у Шопенгауэра), мышлению (у Гегеля).

Е. А. Антонов отмечает, что антропоцентризм, пронизывающий все творчество Страхова, на каждом этапе духовной эволюции мыслителя имел свою специфику, при этом выделяются три аспекта его философской антропологии: естественно-исторический, социально-исторический и духовно-антропологический. Естественно-исторический аспект занимает особое место в антропологических построениях Страхова, согласно которым человек представляет особый мир (не равный Богу), в иерархии природных систем рассматривающийся как высшая цель эволюции Вселенной. Мысли о том, что человек является центром и мерой вселенной, пронизывают всю страховскую натурфилософию. Это позволяет автору монографии сделать вывод о *созерцательном антропоцентризме* философии Страхова, представляющем своеобразную разновидность рационализма, стремящегося к примирению веры и знания.

В натурфилософских размышлениях Страхова присутствуют также идеи космизма, согласно которым вера человека в то, что он является центром мира, не заблуждение, а научно доказуемое положение. С этих позиций Страхов осмысливал основные понятия психологии и физиологии, атомистическую теорию, рассматривал основные представления об органической жизни. Черты антропоцентризма свойственны также гносеологии Страхова, обращенной к исследованию феномена жизни, а также к миру культуры, к человеческой субъективности, к народной «почве».

Страницы, посвященные анализу гносеологии Страхова, представляются в книге особенно ценными. Акцент на гносеологической проблематике позволяет конкретным образом показать несостоятельность бытующих до сих пор мнений о «второстепенно-

сти» гносеологической проблематики для русской философии. Заслуживает поддержки общий взгляд автора на религиозную философию в целом, и на философию Страхова в частности, в особенности как на своеобразный вид рациональности. Эта позиция представляется эвристически ценной для историков русской философии, поскольку противостоит концепциям, отвергающим возможность какого-либо органического соединения рационализма и иррационализма и полагающим, что это — несоединимые ингредиенты, как масло и вода, или как дерево и железо (Хайдеггер).

Антропоцентрические основания проявляются и в философии истории Страхова, где поставлены вопросы единства всемирной истории, исторического прогресса, связи человека с социокультурной средой, роли человеческой социальности, значимости отдельного индивида и др. Интерес представляет идея русского мыслителя об «исторической изменчивости» человека в процессе всей его жизнедеятельности (самодетельности). В монографии также поднят вопрос о критике Страховым «просвещенческой самонадеянности», идущей от веры во всемогущество разума и доходящей до идолопоклонства перед достижениями естественных наук.

Книга Е. А. Антонова является первым в отечественной историко-философской литературе специальным исследованием антропоцентрической философии Н. Н. Страхова. В ней впервые проведен анализ философского мировоззрения Страхова в его целостности и развитии, раскрыта эволюция метафизических взглядов мыслителя, определена специфика философской антропологии, теории познания, философии истории русского мыслителя. Таким образом, можно заключить, что возвращение «литературного изгнанника» Страхова русской философии состоялось, и в этом плане монография Е. А. Антонова представляется несомненной творческой удачей.

М. А. Маслин, М. А. Шарова